

Почему мы их так называем: таксономическая теория и номенклатура

И.Я.Павлинов

Разрабатываемая систематикой всеобщая научная классификация живых организмов представима как написанный на специфическом языке текст, содержащий упорядоченную совокупность названий таксонов. При этом подразумевается, что каждый из них, выделенный и обозначенный определенным образом, соответствует некоторой существующей в природе группе организмов. Правильно называя конкретный организм, исследователь фактически указывает его принадлежность к некоторому таксону, а тем самым и его место в научной классификации. Это служит одним из ключевых условий предметности научного знания в биологии.

Фундаментальное значение описательного языка биологической систематики осознавалось с самого начала ее развития. Это достаточно ярко выразил один из отцов-основателей этой дисциплины, К.Линней, объявив классифицирование и именование (т.е. выделение и обозначение таксонов) двумя ее равновеликими «основаниями». И неудивительно, что второму из них на протяжении всей истории систематики уделялось немалое внимание, которое во многом было связано с выработкой *таксономической номенклатуры*. Она, как важная часть профессионального языка биологической

Игорь Яковлевич Павлинов, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Зоологического музея Московского государственного университета им.М.В.Ломоносова. Область основных научных интересов — теория и история систематики и филогенетики, морфометрия, систематика млекопитающих. Автор более 20 научных и научно-популярных книг о животных, систематике и эволюции.

систематики, представляет собой совокупность принципов и правил именования и отчасти выделения *таксономических объектов* — таксонов, их рангов и их типов. На теоретическом уровне она организована в *номенклатурные концепции*, для практического применения которых разрабатываются *номенклатурные системы* и *кодексы* с конкретными *принципами* и *правилами*.

Разработка номенклатуры продолжается и по сей день, о чем свидетельствует появление во второй половине XX в. ее новых версий — *филономенклатуры* и *нумериклатуры*, отражающих «неклассические» идеологии профессионального языка систематики [1].

Вопросы о том, как и почему в систематике возникают номенклатурные концепции и принципы, чаще всего рассматриваются прагматически [2]. В нашей же статье речь пойдет о теоретической основе таксономической номенклатуры, включающей элементы натурфилософии [3]. Такой угол зрения, возможно, заинтересует тех, кого занимают основы биологической систематики со всем многообразием ее проявлений, включая язык описания мира живых организмов.

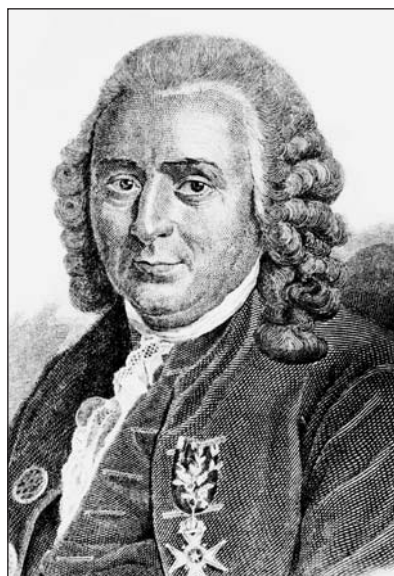
Элементы ономологии

Новейший этап развития теоретических оснований языка систематики во многом связан с попыткой переосмыслить структуру биологического разнообразия. Важной частью разработки языка систе-

матики стал интерес к базовым регуляторам таксономической номенклатуры, т.е. к причинам и факторам ее развития, структуры и функционирования. Обсуждаются вопросы о концепциях номенклатуры, об основах и относительной значимости ее ключевых принципов, о семантике таксономических названий и др. Этот интерес вылился в начальное оформление дисциплины, исследующей номенклатуру с достаточно общих позиций, которую предложено называть *онимологией*, или *таксонимией* [1, 4]. Ее важнейшая задача — найти регуляторы самой таксономической номенклатуры и ответить на вопросы, каким образом и почему именно такие правила именования организмов складываются на том или ином этапе развития систематики.

Для биолога-систематика особое значение имеют таксономические регуляторы номенклатуры, которые устанавливают ее связь с таксономической теорией. Главное здесь — то, как понимание природы объектов систематики (например, реальные они или номинальные) влияет на способы их обозначения.

Такая постановка вопроса для номенклатуристов-практиков кажется неуместной и даже парадоксальной. Действительно, в вводных разделах почти всех действующих и проектируемых кодексов (за исключением «Филокодекса» [5]) заявляется, что они относятся только к названиям и не регламентируют способы решения конкретных классификационных задач. Однако эта общая декларация не совсем верна: на деле номенклатурные кодексы регулируют не только обозначения таксономических объектов, но и сами эти объекты. В первом случае речь идет о том, как надлежит образовывать, присваивать, менять обозначения таксонов и рангов, во втором — как следует их фиксировать (выделять, объединять и т.п.). Разумеется, решения этих задач регламентируются лишь в той мере, в какой они влияют на собственно именование. Однако это не означает, что кодексы вовсе не затрагивают классификационные задачи.

Карл Линней (1707—1778), шведский натуралист, завершивший схоластический этап развития систематики.

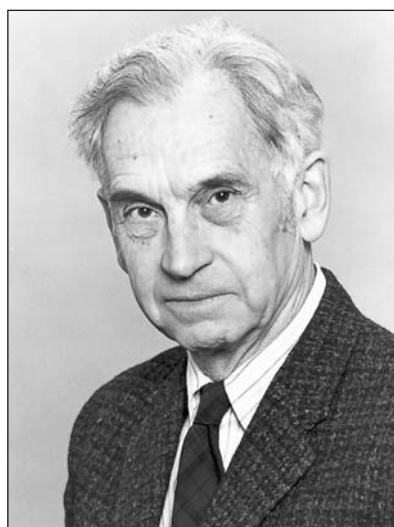
Такая сопряженность двух линнеевских «оснований» систематики принципиально важна для нормального функционирования языка таксономических описаний. Эта сопряженность обеспечивает более строгую связь между правилами обращения с таксономическими объектами и их обозначениями. И она же обуславливает развитие номенклатуры. Как подчеркивал один из крупнейших систематиков-эволюционистов XX в. Э.Майр, номенклатурные «правила должны меняться в соответствии с развитием концепции таксономии» [6]. Признание этого должно быть — одно из необходимых условий при поиске ответов на «основной вопрос» таксономической номенклатуры: речь должна идти о выявлении причин, ответственных за раз-

витие языка таксономических описаний вслед за развитием таксономической теории.

Немного когнитивистики

Для того чтобы понять «философическую» подоплеку связи между таксономической теорией и номенклатурой в общем виде, следует совершить краткий экскурс в *когнитивистику*. Этот блок дисциплин, исследующих природу познавательной деятельности человека, начал складываться во второй половине XX в. Входящая в него когнитивная лингвистика рассматривает среди прочего связь между структурами познаваемой реальности и ее описательного языка. Понимание неслучайного характера этой связи позволяет лингвистам-когнитивистам говорить о «языковой картине мира» [7].

Одно из ключевых в когнитивистике — понятие *познавательной ситуации*, которая формируется при активном участии познающего субъекта. Как утверждает основатель биосемантики Я. фон Икскуль, в каждой конкретной познавательной ситуации присутствует не объективная реальность как таковая («мир вообще», *Umwelt*), а некий воспринимае-

Эрнст Майр (1904—2005), американский зоолог-систематик, уверявший, что «номенклатура должна меняться вместе с теорией систематики».

Якоб фон Иксюль (1864—1944), российский (эстляндский) зоопсихолог и философ-когнитивист.

мый, осознаваемый и описываемый субъектом ее фрагмент — субъективная реальность («мир для себя», *Umwelt*) [8]. С такой позиции систематика изучает и описывает не тотальное разнообразие организмов, а лишь так или иначе фиксированный конкретный «мир для себя», т.е. то, что с недавних пор принято обозначать как *таксономическую реальность*. С позиции когнитивной лингвистики, таксономическая номенклатура есть часть «языковой картины» этой реальности, и между ними должно существовать определенное соответствие.

Семантическая мотивация способов определения названной реальности может быть весьма разной в зависимости от того, кто/что выступает в качестве субъекта-систематизатора, и от его исходной когнитивной установки. Но в любом случае

его «мир для себя» выстраивается из фиксированных концептов, соответствующих тем объектам живой природы, которые представляются субъекту более значимыми в сравнении с другими.

В простейшем варианте, характерном для так называемой народной систематики (фолк-таксономии), речь идет о некоей «интуитивной онтологии», присущей древним людям. В ней ключевыми регуляторами служат прагматические критерии, вырабатываемые жизненными потребностями. Согласно этому, в «мир для себя» фолк-систематизаторы включают, классифицируют и именуют животные и растительные организмы согласно их значению для выживания человеческого племени. Этот начальный этап развития систематики и ее описательного языка (фолк-номенклатуры) достаточно активно и успешно исследуется на протяжении последних десятилетий этнобиологией и этнолингвистикой.

На более продвинутых этапах развития познавательной деятельности, начиная с Античности, активно включаются элементы рациональной онтоэпистемологии. Согласно этому, познаваемой реальности приписываются те или иные фундаментальные свойства — прежде всего ее подчинение неким законам природы, делающее реальность в принципе познаваемой рациональными средствами (в том числе алгоритмизованным классифицированием). Очевидно, что эта реальность — не «мир вообще», в котором присутствуют и элементы стохастики, а конструктивно (рационально) заданный «мир для себя». Конструктор последнего — не что иное как теория в самом общем ее понимании; разрабатывающие и применяющие ее исследователи выступают в качестве субъектов в познавательной ситуации.

Начиная с XVI в. по мере развития биологической систематики конструктор ее «мира для себя» приобретал черты конкретной таксономической теории. Вернее, следует говорить о нескольких частных теориях, каждая из которых формирует свою «таксономическую реальность» и вырабатывает ее специфический язык [9]. Такие примеры достаточно хорошо известны — это схоластическая систематика, типология, «естественная» систематика, филогенетика, фенетика и т.п.

Теоретический груз в номенклатуре

Общая идея всех таксономических и связанных с ними номенклатурных концепций заключается в признании осмысленности и правомочности выделения, описания и обозначения лишь тех объектов, которые составляют часть данной конкретной «таксономической реальности». Она, как уже говорилось, зависит от базовой таксономической теории, косвенно регулирующей описательный язык систематики. Такова авторская позиция, вытекающая из принятой за основу когнитивистской моде-

ли и определяющая все последующее изложение.

В научной систематике Нового времени лейтмотив формирования ее описательного языка исходно был задан доминировавшей на протяжении XVI—XVIII вв. эссенциалистской доктриной. Ее ядро составляет сущностное видение живой природы, которая как часть входит во всеобщую Естественную систему с объективно существующими группами. Согласно этому, каждый организм наделен некой сущностью, которая задает его место в названной Системе. Классифицирование сущностей разного порядка (первого, второго и т.д.) позволяет выделить «естественные» группы организмов разной общности (виды, роды и т.п.) как базовые элементы Естественной системы. Именно и только такие группы есть объекты приложения таксономической номенклатуры, которая и разрабатывается для их обозначения. И наоборот, группы, не отвечающие этому критерию естественности, в систематике эссенциалистского толка исключаются из классификационной и номенклатурной деятельности.

Так на раннем этапе научной систематики закладывались когнитивные основания современной таксономической номенклатуры, сугубо теоретически определяющей опознаваемые и именуемые объекты. Об этой общей норме писал Линней в «Основаниях ботаники» и «Философии ботаники», требуя выделять и именовать только «достоверные» (в его терминологии) роды. В начале XIX в. сходные мысли высказывал в «Элементарной теории ботаники» О.-П. де Кандоль — один из разработчиков теории «естественной» систематики и автор свода номенклатурных правил: он писал об именовании «естественных» групп. Несколько позже английские ботаники-систематики Дж.Бентам и Дж.Хукер предложили так называемые «Правила Кью». В них понятие «истинного рода» — центральное, на его основе трактуются некоторые важные номенклатурные нормы (например, определение старшинства синонимов).

Такая общая схема аргументации сохранена как основа и в таксономических теориях, осваивающих эволюционную идею. В них «естественными» («достоверными», «истинными») признаны лишь те группы, которым можно приписать статус неких «эволюционных единиц». Именно они составляют основу специфического «мира для себя» в систематике этого направления, что неизбежно сказывается на разрабатываемой таксономической номенклатуре. Так, ведущие номенкла-

Огюстен-Пирам де Кандоль (1778—1841), швейцарский и французский ботаник, автор первого постлиннеевского свода правил номенклатуры.

туристы середины XIX в. ботаник А. де Кандоль (сын и продолжатель дела отца, О.-П. де Кандоля) и зоолог У.Долл в своих номенклатурных проектах со ссылкой на концепцию Дарвина особо подчеркивали необходимость присвоения внутривидовым таксономическим группам такого же фундаментального статуса, как и видам (у Линнея они имели второстепенное значение), и применения к ним единых номенклатурных правил. Несколько позже американские орнитологи на основе все тех же дарвиновских воззрений провозгласили, что линнеевская «биномиальная» номенклатура устарела и должна быть заменена «триномиальной», соответствующей новому этапу развития теории систематики и ее языка. Наконец, идеологи уже упомянутой

новейшей филономенклатуры признают заслуживающими внимания и именования лишь филогенетически «естественные» монофилетические группы, выделяемые в филогенетически заданном «мире для себя».

Неявное присутствие теоретического груза в языке систематики иной раз принимает курьезную форму. Так, в Кодексе зоологической номенклатуры рекомендуется описывать только «реальные», а не «гипотетические» таксоны: этот пункт направлен в основном против объектов криптозоологии. Курьез здесь в том, что всякое суждение о «таксономической реальности», включая выделение и ранжирование таксонов, представляет собой гипотезу. Она выдвигается в рамках определенной таксономической теории как конструктора названной реальности: следовательно, понимание «реальности» таксона теоретико-зависимо.

Эссенциализм и номинализм в номенклатуре

Влияние таксономической теории наиболее ярко проявляется при сравнении концепций, подразумевающих разную онтологию исследуемой систематикой «таксономической реальности». В связи с этим особо наглядно и потому интересно сравнение двух наиболее общих номенклатурных концепций — эссенциалистской и номиналистической. Противостояние между ними обозначилось в конце XVIII — начале XIX вв. при переходе от схоластической к современной постсхоластической систематике, концепции которых различаются базовой натурфилософией [1].

Эссенциалистская концепция, с которой началась история профессионального языка биологической систематики, в своей основе реалистическая. Она исходит из ключевых положений античной натурфилософии, частично уже упомянутых. Разного порядка эйдосы (по Платону), или сущности (по Аристотелю), реальны (объективны), как реальны и порождаемые ими группы организмов разного уровня общности: все они — действительно существующие в природе «естественные» объекты. Каждому эйдосу (каждой сущности), а тем самым и каждой такой группе организмов соответствует определенное название, которое Линней считал «истинным», или «подходящим». Между объектом и его «истинным» названием имеется тесная связь: оба они — проявления единого эйдоса, или выражения одной сущности. Следовательно, постичь «истинное» название объекта, значит постичь его сущность (породивший его эйдос), а тем самым и его место в Системе природы. Напротив, «неистинное», или «неподходящее», название может лишь закрыть собой эйдос (сущность) и воспрепятствовать постижению действительной природы объекта (группы организмов). Поэтому только «истинные» названия имеют право на существование в систематике, все прочие должны отвергаться.

Как видно, таксономические названия в эссенциалистской концепции семантически мотивированы вполне определенно: они должны выражать сущностные свойства организмов. В таком контексте более чем прозрачными становятся афористические высказывания отцов-основателей систематики и номенклатуры: что «знание растений равносильно знанию их названий» (Турнефор), и что «если не знаешь названий, то теряешь и познание вещей» (Линней).

Здесь следует обратить внимание на следующее важное обстоятельство. В рамках такой онтологии два линнеевских «основания» систематики — выделение групп организмов и их именование — оказываются взаимообусловленными. Оpoznать «естественную» группу, наделенную сущностью того или иного порядка, и опознать ее «истинное» имя — неразрывные составляющие единого познавательного акта. Иными словами, классифицирование и номенклатура — почти одно и то же.

Номиналистическая концепция основана на отрицании аристотелевых сущностей и тем более платоновских эйдосов, а значит и реальности

Мишель Адансон (1727—1806), французский естествоиспытатель и путешественник, основоположник современной концепции номиналистической номенклатуры.

(объективности) порождаемой ими иерархии групп организмов: их попросту нет в природе. Названия не характеризуют сущности организмов, а просто обозначают более или менее произвольно выделяемые их группы. Данная позиция выражена формулой «название — это просто название». Если семантическая мотивация в таких названиях и присутствует (например, они могут быть эпонимами), то не имеет отношения к сущностям обозначаемых ими организмов.

Эта номенклатурная концепция стала активно разрабатываться и утверждаться в систематике во второй половине XVIII в. Ее онтологическую основу первоначально составила натурфилософская концепция Всеобщей цепи бытия (она же — Лестница совершенствования), весьма популярная в среде французского Просвещения. Данную концепцию

впервые провозгласил М. Адансон. В своем своде номенклатурных принципов он отверг сущностное толкование таксонов и их названий и заявил, что классифицирование и именование — разные по своему содержанию задачи и их следует строго разграничивать. Так классифицирование и номенклатура (два «основания» систематики) оказались разделенными в таксономической теории и практике. При этом номенклатуре, лишенной статуса равновеликого «основания» систематики, было приписано сугубо второстепенное значение по сравнению с классифицированием.

Важная особенность эссенциалистской номенклатуры, как подчеркивал Линней, состоит в необходимости замены «неподходящих» названий на «истинные». Но разные систематизаторы могли понимать сущности организмов по-разному и называть их «истинно» каждый по-своему (они горячо спорили по этому поводу), а это неизбежно порождало хаос описательных названий. Номиналистическая номенклатура свободна от этого требования: согласно ее основному положению («название — это просто название»), обозначение таксона может быть произвольным и не должно меняться по желанию систематизатора в зависимости от его взглядов на «природу вещей». Такого рода номинализм стал ключевым условием для реализации главного назначения всякой номенклатурной системы — обеспечения стабильности и универсальности таксономических названий. И это послужило одной из основных причин отказа от эссенциализма и перехода к номинализму в понимании таксономической номенклатуры.

Рангозависимая номенклатура

Наглядным проявлением природы таксономической номенклатуры, зависимой от теории, служит ее ранговый характер. Последнее означает, что названия таксонов разных рангов образуются по собственным правилам. Эта общая норма, заложенная в XVII—XVIII вв., считается одной из ключевых в ныне действующих кодексах [4]. Анализ этих правил позволяет показать, каким образом устанавливается и проявляется связь между таксономической теорией и номенклатурой. Для этого полезно очень кратко вспомнить историю развития некоторых теоретических воззрений в систематике [9].

Начать следует с того, что вообще иерархический принцип организации классификаций, сегодня обычно рассматриваемый как методологический, изначально нагружен натурфилософией. В его основе лежит платоновская картина мира как последовательная эманация эйдосов разного уровня общности. На уровне эпистемологии этому соответствует общий принцип иерархического дедуктивного деления понятий, обозначающих эйдосы, — от наиболее общих к частным. Неоплатоники в IV—V вв. воплотили его в логическую классификационную родо-видовую схему, известной графической иллюстрацией которой служит «дерево Порфирия». С освоения этой схемы в XVI—XVII вв. началась научная систематика в ее схоластической версии, нацеленная на иерархическое представление разнообразия сущностей живых организмов.

В рамках названной схемы каждая выделяемая группа организмов (точнее, определяющая ее сущность того или иного порядка) обозначается через «ближайший род и видовые особенности» («род» и «вид» здесь понимаются логически). Это делает полное название такой группы *бинарным*: состоящим из двух частей — родовой и видовой. Согласно эссенциалистской традиции, в каждой из этих частей слов столько, сколько требуется для выражения сущности данной группы. Упрощенная модификация такой общей бинарной схемы — *биномиальная* номенклатура, в которой двухчленность сохраняется только за обозначениями видов, при этом обе части биномена должны быть однословными. Из этого видно, что, во-первых, современная биномиальность есть следствие схоластической бинарности и, во-

вторых, эти два понятия следует различать, их отождествление некорректно.

Иерархия родовидовой схемы изначально безранговая: выделяемые в ней уровни общности не фиксированы ни содержательно, ни (за исключением высшего и низшего уровней) терминологически. Первичная смысловая и терминологическая фиксация рангов приходится на завершение схоластического этапа развития систематики. При этом закладываются важные особенности рангозависимой номенклатуры, обусловленные тем, что ранние номенклатуристы по-разному понимали онтологический статус групп разного уровня общности (таксонов разного ранга): одни из них — «произведения природы», другие — главным образом «произведения искусства».

Основное внимание систематизаторы-схоласты уделяют роду как фундаментальной единице Системы природы. Это выражено максимой у Цезальпина (с него начинается история современной научной систематики) и у Линнея: «если перепутать роды, неизбежно перепутается все». Восприятие рода как некоей природной «единичности» приводит к тому, что его название — однословное существительное в *единственном* числе. Вид представляется просто как детализация родовой сущности, поэтому для его обозначения чаще всего используется описательное *прилагательное*. Указанное различие в некоторых номенклатурных системах узаконено специфической терминологией: род обозначается *названием*, тогда как вид — просто *эпитетом*. Поскольку вид

Дерево Порфирия — схема дедуктивного родовидового деления понятий, породившая бинарную номенклатуру.

Андреа Чезальпино, или Цезальпин (1519—1603), итальянский врач, ботаник и философ, открывший эру современной биологической систематики.

имеет подчиненное значение по отношению к роду, видовой эпитет сам по себе не имеет смысла: таковым его наделяет лишь соотнесение с родовым названием. Поэтому полное обозначение вида должно кроме этого эпитета содержать название включающего его рода, т.е. быть бинарным. Надродовая группа обозначается однословно (поскольку, согласно Линнею, это «высший род»), но ее название — существительное во *множественном* числе: это отражает представление о ней как о некоей совокупности родов, не имеющей статуса реальной природной единицы. Последнее обстоятельство освобождало эссенциалистов от необходимости указывать принадлежность вида к классу или порядку/отряду лексическими средствами (хотя такие предложения высказывались). Все эти номенклатурные особенности сохранены в ныне действующих кодексах.

На протяжении всей истории развития постсхоластической систематики и ранговая иерархия классификаций, и рангозависимый характер номенклатуры служили и служат объектом критики. На рубеже XVIII—XIX вв. против них выступали приверженцы идеи непрерывной Цепи бытия, во второй половине XX в. — идеологи классификационной фенетики, в самое последнее время — филогенетики, апеллирующие к безран-

говой иерархии филогенетических групп. Очевидно, что вся критика исходит из неких натурфилософских представлений о том, какова структура «таксономической реальности». В этом смысле она эквивалентна, пусть и с обратным знаком, изначальной философии сторонников ранговой иерархии.

Несколько общих замечаний

Из всего предыдущего следует, что современная таксономическая номенклатура в той или иной мере или форме нагружена теоретически. В ней можно увидеть влияние базовых теорий, господствующих на определенном этапе развития систематики и ее профессионального языка.

Прежде всего следует подчеркнуть, что связь между таксономической теорией и таксономической номенклатурой задана не строго: между версиями той и другой *нет взаимно однозначного соответствия*. Это значит, что разные частные таксономические теории могут разрабатывать однотипные номенклатурные системы. И наоборот, в рамках одной таксономической теории могут ужиться разные версии номенклатуры. Оба варианта иллюстрирует развитие номенклатурных систем, связанных с таксономической иерархией. Безранговая иерархия с соответствующей ей номенклатурой осваивалась на раннем этапе схоластической систематики под влиянием эссенциалистской натурфилософии. В XX в. в пользу безранговости высказались далекие от схоластики и эссенциализма идеологи фенетической и филогенетической систематики. Но в этой последней есть не только сторонники новой номенклатурной концепции, но и ее противники.

Рассматриваемая здесь связь, пусть и не строго заданная, может быть *полной* или *частичной*, т.е. охватывать номенклатурную систему в целом или только какие-то ее разделы. В первом случае зависимости от теории эссенциалистская концепция языка систематики, как и филономенклатура. Из отдельных теоретико-зависимых принципов общего порядка наиболее заметна рангозависимость номенклатуры.

Связь между теорией и номенклатурой может быть *явной* или *скрытой*. В первом случае имеется в виду ее прямое декларирование: таково упомянутое введение тринomialной номенклатуры со ссылкой на дарвиновскую эволюционную концепцию или обоснование филономенклатуры, исходя из филогенетической теории. Во втором случае связь имеет более глубокий и потому не столь очевидный характер: примером служит натурфилософская подоплека бинарного способа именованя таксонов.

Наконец, эта связь бывает *актуальной* или *реликтовой*. Речь идет о том, что какие-то нормы

и принципы номенклатуры исходно формируются под влиянием определенных теоретических соображений, позднее теряющих свое значение. Сюда относится все та же общая норма рангозависимого образования таксономических названий. На раннем этапе развития связь рангозависимой номенклатуры с натурфилософией была актуальной, в настоящее время она стала реликтовой. Благодаря таким «атавистическим» элементам языка систематики в современных версиях традиционной номенклатуры теоретический груз отчасти заменяется историческим.

Unde venis et quo vadis?*

Изложенные соображения о связи таксономической номенклатуры с теорией позволяют понять одну из важных движущих сил ее развития. Оно идет вслед за развитием таксономической теории, в основе которого лежит изменение представлений о природе исследуемого биологической систематикой разнообразия организмов.

Таким образом, общий ответ на вопрос «Почему мы их так называем?» следующий: потому, что творцы современной систематики и ее языка именно так «видят» живую природу. Они не «придумывают» свою номенклатуру, а «выводят» ее из своих натурфилософских представлений о «природе вещей». В этом отношении между эссенциалистами и номиналистами, между разработчиками «естественной» и филогенетической теории систематики особой разницы нет: все они действуют в рамках сконструированных ими специфических таксономических «миров для себя».

* *Откуда идешь и куда направляешься?* — латинский афоризм.

Такое видение причин развития таксономической номенклатуры и разнообразия ее основных концепций имеет несомненное отношение к пониманию ее прошлого и отчасти отвечает на вопрос «Unde venis?». Но здесь хотя бы понятны конкретные таксономические теории, ответственные за ту или иную номенклатурную концепцию. На вопрос «Quo vadis?», имеющий отношение к номенклатуре, можно ответить лишь в более общей форме. Таксономическая теория будет развиваться по той простой и очевидной причине, что в науке не может быть «окончательных теорий». А раз так, то и таксономическая номенклатура (в той мере, в какой она теоретико-зависима) обречена на дальнейшее развитие. Но как оно пойдет, какие классификационные идеи явятся на смену ныне доминирующим и как они скажутся на языке систематики — остается только гадать.

Принимая во внимание характер предшествующего развития систематики и ее языка, можно предполагать, что сохранятся, а может, и усилятся тенденции, связанные с параллельным существованием разных номенклатурных концепций и соответствующих им кодексов. Их будут применять для разных групп организмов (как нынешние предметные кодексы), для разных категорий данных (как современные таксономическая и анатомическая номенклатуры), для разных аспектов рассмотрения «таксономической реальности» (как традиционная и филогенетическая номенклатурные концепции). В таком случае одной из первоочередных задач станет разработка мета-языка таксономических описаний, позволяющего сводить воедино разные номенклатурные системы как диалекты единого языка биологической систематики. Вероятно, нынешний проект «Биокодекса» [10] можно считать его предтечей. ■

Литература

1. Павлинов И.Я. Номенклатура в систематике. История, теория, практика. М., 2015.
2. Джеффри Ч. Биологическая номенклатура. М., 1980.
3. Павлинов И.Я. Как возможно выстраивать таксономическую теорию // Зоол. исследования. 2011. №10. С.45—100.
4. Dubois A. Proposed rules for the incorporation of nomina of higher-ranked zoological taxa in the International Code of Zoological Nomenclature. 1. Some general questions, concepts and terms of biological nomenclature // Zoosystema. 2005. V.27 (3). P.365—426.
5. Cantino P.D., Queiroz K.de. International Code of Phylogenetic Nomenclature. Version 4c. 2010. <http://www.ohio.edu/phylocode/>
6. Майр Э. Принципы зоологической систематики. М., 1971.
7. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М., 2003.
8. Утехин И.В. Введение в семиотику. СПб, 2005. http://old.eu.spb.ru/ethno/courses/et_p10_add.htm
9. Павлинов И.Я. История биологической систематики: эволюция идей. Saarbrücken, 2013.
10. Greuter W., Garrity G., Hawksworth D.L. et al. Draft BioCode: principles and rules regulating the naming of organisms // Taxon. 2011. V.60 (1). P.201—212.